

ИСТОРИЧНІ АСПЕКТИ ДЕРЖАВНО-ПРАВОВОГО ТА ПОЛІТИЧНОГО РОЗВИТКУ

УДК 351/354:94.19'

Глушков В. А., НУ «ОЮА»

МОНАРХИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИИ

Стаття присвячена аналізу поглядів на монархічну форму правління І. Л. Солоневича. Виділені основні характеристики монархії в Російській імперії.

Статья посвящена анализу взглядов на монархическую форму правления И. Л. Солоневича. Выделены основные характеристики монархии в Российской империи.

The article is devoted to analysis of looks to the monarchist form of state rule of I. L. Solonevich. Basic descriptions of monarchy in the Russian empire are distinguished.

«Народно-монархическое движение является единственным политическим движением, которое базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких претензий и отрицает всякие мировые рецепты. Это движение не может быть ни правым, ни левым, оно строится не в двухмерном, а в трехмерном пространстве. Народно-монархическое движение имеет общие точки соприкосновения с правыми, ибо требует мощной царской власти, но смыкается и с левыми, ибо имеет в виду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя. Народно-монархическое движение видит в монархии единственную исторически проверенную гарантию и свободы и интересов народных масс страны» [1]. Так начинается одна из интереснейших работ, посвященных запутанному в науке вопросу о месте, роли и значении

монархии в истории и современности, опубликованная мало известным нашим научным и общественным кругам белорусским автором Иваном Лукьяновичем Солоневичем.

Рассмотрим подробнее взгляды этого сторонника Народно-монархического движения.

Каждый народ стремится создать свою культуру, государственность и, наконец, свою империю. Солоневич отмечает, что Российская империя – самое старое государственное образование. Она, как единое национальное целое, возникла, в качестве «Империи Рюриковичей» и национально как русская земля, единая земля для всех авторов летописей. Возраст Российской империи равняется одиннадцати векам, что примерно равно возрасту Римской империи. Последняя, за исключением Карфагена, не имела никаких соперников, и за последние триста лет своего существования распалась экономически и политически.

Еще один тезис, который выдвигает И. Солоневич, заключается в том, что «Империя – это мир» На территории Российской империи были прекращены всякие междунациональные войны, и все народы страны могли жить и работать в любом ее конце. И если Империя Российской была беднее, чем другие, то не вследствие «политики», а вследствие географии – трудно разбогатеть на земле, половина в полосе находится в полосе вечной мерзлоты, а другая половина в полосе вечных нашествий извне.

По мнению И. Солоневича, каждая государственность мира отражает в себе основные психологические черты нации-строительницы. Отсюда И. Солоневич делает вывод, что никакие географические и климатические условия не играют существенной роли.

Последние десятилетия история России и Европы, наполненные сплошными войнами, привели к гипертрофии военной психологии. Такая ситуация неправильна, ибо войны решаются только политикой. Хорошая стратегия – это только экономия народных сил. Если сил много, то можно обойтись без стратегии, как обошелся Сталин во Вторую мировую войну.

По мнению И. Солоневича, историческая практика показывает небоеспособность демократий, полную непригодность демократического государственного аппарата к решению вопросов войны и мира. И. Солоневич проводит такую параллель, что для мирного развития страны демократия Керенского была неизмеримо лучше диктатуры Сталина, но войну 1941-45 гг. он бы проиграл, как проиграл кампанию 1917 года. Все одиннадцать веков нашей истории мы находились или в состоянии войны или у преддверия состояния войны. Нет никаких оснований думать, что в будущем это будет иначе. Поэтому

И. Солоневич приходит к выводу, что России необходима сильная и твердая власть. Она может быть монархией или диктатурой. Власть милостью Божией или властью Божиим попущением.

Народно-Монархическое движение видит восстановление монархии не только в восстановлении монарха, но и восстановлении целой системы учреждений – от Всероссийского Престола до сельского схода. Это не может быть достигнуто никакими писаными законами. Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, профсоюзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий. Монархия должна восстановиться волей народа и больше ничем. Если же воля будет монархической, то ее местные органы будут тоже монархическими. Чисто техническая задача будет заключаться в том, чтобы не возникало никакого средостения – сословного, чиновного, партийного или иного.

По мнению И. Солоневича, вся современная ему мировая бюрократия, не говоря уже о советской, хуже довоенной русской. Но это не говорит в пользу старой русской бюрократии. Будущая Россия будет стоять перед опасностью возрождения всех худших сторон и старой дореволюционной и новой революционной бюрократии.

Представление о том, что именно республиканская форма правления дает гарантию свобод – чистейшая фантастика. Самодержавная Москва строилась на свободном крестьянстве, республиканская Польша – на крепостном, Венецианская и Новгородская республики – на беспощадной эксплуатации низов и погибли вследствие отказа их поддерживать эти республики. Говоря о мировом масштабе, нужно сказать, что размеры свободы или несвободы не находятся ни в какой зависимости ни от республики, ни от монархии. Русская монархия делала все, что могла, для защиты внешней и внутренней свободы России и людей, и если ей это не удавалось, то виною этому были не Цари, а цареубийцы. В то же время, мы можем утверждать, что если будет восстановлена монархия российская, то Россия, и ее население достигнет такой свободы и безопасности, какой не будет иметь иной народ мира. Ибо если в США последнего периода личная свобода была действительно выше, чем где бы то не было, то даже эта свобода была основательно ограничена профессиональным бандитизмом, неприкосновенность которого гарантировала продажность и судов и администрации. В странах скандинавских демократий профессиональные союзы, возвращаясь к средневековым цеховым принципам, круто ограничивают свободу труда – одну из важнейших свобод для всякого человека. Русские предпосылки совершенно объективны на

дальнейший рост свободы и являются наиболее оптимистическими в сегодняшнем мире. Народно-Монархическое движение считает свободу величайшей ценностью и нации и отдельного человека. Эта свобода может и должна повергаться ограничению только в случаях крайней и самоочевидной необходимости, какими являются воинская повинность, обязательное обучение, или лишение свободы тех людей, которые отказываются уважать свободу. Из всех видов свобод универсальное значение имеет свобода хозяйственной деятельности. Народно-Монархическое движение принципиально стоит на защите частной собственности и частной инициативы. Они могут быть ограничены только в случаях самой крайней и самоочевидной необходимости – отчуждение частной земли по постройку железных дорог, винная монополия, эмиссионная монополия и тому подобное. Но уже монополии внешней торговли Народно-Монархическое Движение отрицает принципиально, допуская ее только для отдельных отраслей хозяйства, только на очень ограниченный срок и только при чрезвычайных условиях хозяйственной и политической жизни путем таможенного регулирования ввоза и вывоза, покровительственных пошлин, но только не дай Бог, введением монополии внешней торговли, что означает монополию бюрократии, неслыханную волокиту и такое же взяточничество. Кроме того, средняя и мелкая промышленность, не имеющая ни времени для волокиты, ни денег для взяток, разорвется сама и разорвет тот слой, который во всех странах мира является наиболее прочной основой всякой политической устойчивости.

И. Солоневич приходит на первый взгляд парадоксальному выводу, что царская Россия была самым социалистическим государством мира. В России существовал целый ряд коллективистских предприятий, начиная от казенных заводов и кончая сибирской кооперацией, опиравшейся на мелкую частную собственность, бесконечными артелями, строившимися по принципу трудовых коллективов, офицерской кооперации, опиравшейся на нищенское офицерское жалование, проявил большую хозяйственную жизнеспособность. Самодержавная власть не только не препятствовала всяким обобществленным формам, но и всячески поддерживала их, она искала наилучших способов хозяйствования и поддерживала все то, что оказывалось лучшим, независимо ни от Оуэна, ни от Маркса. Однако такие поиски уже чисто технически возможны только в том случае, если в стране есть сила, находящаяся вне круга эгоистических интересов банков, заводчиков, профсоюзов, и даже приват-доцентов, сила, независимая от какого узко-группового интереса. В связи с этим возникает вопрос. Если императорская Россия была самой социалистической страной, то полная социализация ее большевиками является

естественным ее завершением старого исторического процесса. Или, что почти то же, большевики только продолжали хозяйственную политику Императорской России. Там был царский социализм, здесь пролетарский социализм, но все-таки социализм.

По мнению И. Солоневича, московское самодержавие все время работало для самоуправления, а когда самодержавие пало, то было остановлено самоуправление. Когда самодержавию удалось справиться с крепостным правом, оно сейчас же возродило самоуправление. В Московской Руси и самодержавие, и самоуправление неизменно поддерживали друг друга. Император Александр II был убит уже после подписания им манифеста о созыве земского Собора, а крестьянское самоуправление было ограничено дворянством. Самодержавие противостоит самоуправлению только в том случае, если самоуправление превращается в партию и если самодержавие превращается в диктатуру. В Москве этого не было, а в Санкт-Петербурге было – в восемнадцатом веке отсутствовали и самодержавие и самоуправление. Самодержавие, восстановленное Императором Павлом I, привело к возрождению самоуправления при Императоре Александре II. Но в петербургской атмосфере интеллигенция и бюрократия, покушались, как бюрократия на права самоуправления и как интеллигенция – на права самодержавия. В результате Россия осталась и без самодержавия и без самоуправления.

Таким образом, устойчивость всей национальной жизни в России, по мнению, И. Солоневича, поддерживали три фактора: Монархия, Церковь и Народ. Монархия не означает никакого окончательного хозяйственно-социального строя. Она только рамка для поисков, рамка, сдерживающая эти поиски в пределах человеческого разума и человеческой совести. Российская империя до 1917 года развивалась по смешанному пути, в котором государственное, то есть социалистическое, хозяйство, кооперативное, то есть четверть социалистическое хозяйство и «капиталистический сектор» развивались параллельно и одновременно с вероятным перевесом в сторону кооперативного хозяйства. Но монархия не позволяла капиталистам взрывать кооперацию, кооператорам – бить капиталистов, социалистам резать и кооператоров и капиталистов. Монархия была арбитражем, не заинтересованным ни в какой монополии. И русский капитализм понимал, что он является только служилым элементом в общей стройке страны, а не диктатурой над пролетариатом. Или диктатурой одной интеллигентской теории над всеми проявлениями человеческой жизни, какую стал марксизм.

В процессе своей исторической жизни российская монархия, когда она существовала как сила, а не как вывеска, всегда стояла на стороне

верований, инстинктов и интересов крестьянской массы и не только в самой России, но и на ее окраинах. Это есть основная традиция русской монархии, категорически отделяющая русскую монархию от всех остальных монархий в истории человечества.

По мнению И. Солоневича, идея легитимной монархии поддерживается в России крепче, чем где бы то ни было в истории человечества, но ведь настоящая монархия может быть только легитимной. Когда после Смутного времени был поставлен вопрос о реставрации монархии, собственно никакого избрания на царство не было. Был розыск о лицах, имеющих наибольшее наследственное право на престол. Никаких заслуг у юного Михаила Федоровича не было. Но как только наследственный принцип дает преимущество абсолютной бесспорности, то именно на нем было основано избрание. Истоки русской государственной идеи были раскрыты известным русским историком В. Ключевским, который считал, что такой идеей с самого начала нашей истории была идея славянского единства, которая в начале XIII столетия требовала тем большего напряжения мысли, что не совсем поддерживалась современной ей действительностью. В Византии все было прямой противоположностью всему тому, что было на Руси. Византийство – это преобладание формы над содержанием, законничества над совестью, интриги над моралью. Византийцы были классификаторами, кодификаторами, бюрократами. Византийской нации не было никогда, не было никакой национальной армии, не было никакой национальной идеи.

В современных условиях мы можем констатировать, что за двести лет наши предки научились подниматься до связи мировых явлений. Этому искусству Европа не научилась и за две тысячи лет. Идея славянского единства совсем не поддерживалась современной ей действительностью, а значит, была чисто русской идеей, родившейся на Руси, то есть созданием русского национально-политического гения. Русская монархия является результатом создания того же русского национального гения. Она стоит выше остальных монархий мировой истории – в такой степени, как наше мышление в мировом масштабе стоит выше мышления Лиги Наций или ООН. Все явления современного зарождения русской монархии мира на эту монархию, если и похоже, точно также как сталинская демократия на американскую. И анализируя идею монархии вообще, мы обязаны исходить только из русского образца этой идеи, рассматривая все остальные варианты, только как параллельные явления, не достигшие ясности, чистоты и логической последовательности русской монархии.

Монархия, конечно, не является специфическим русским изобретением. Она родилась органически, можно сказать биологически,

из семьи, переросшей в род, рода, переросшего в племя, и т. д. от вождей, князьков и царьков, первобытных племен до монархии российского масштаба. Отличительная черта русской монархии, данная уже при ее рождении, заключается в том, что русская монархия выражает волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в православии, а политически – в Империи. Воля нации, религиозно оформленная в православии, и будет «диктатурой совести». Только этим можно объяснить возможность манифеста 19-го февраля 1861 года – «диктатура совести» смогла преодолеть страшное сопротивление правящего слоя, и правящий слой оказался бессилён. Русская монархия является наибольшим приближением к идеалу монархии вообще, но этого русская монархия не достигла никогда. В истории русской монархии были периоды упадка, отклонения, неудач, но и были периоды подъемов, каких мировая история не знала вообще.

Никакое человеческое общество не может быть без власти, которая есть в семье, в роде, в племени, в нации, в государстве. Она всегда имеет в своем распоряжении средства принуждения. Власть может быть сильной или быть слабой. Бывает превышение власти, как в СССР, и бывает бездействие власти, как в США. Оба преступления наказуемы старыми русскими законами и уголовно наказуемы и законами истории. Государственная власть конструируется тремя способами: наследованием, избранием и захватом: монархия, республика, диктатура. На практике все это перемешивается: захватчик становится наследственным монархом (Наполеон I), избранный президент делает то же (Наполеон III), или пытается сделать (Оливер Кромвель), избранный канцлер Гитлер становится захватчиком власти.

И республика, и диктатура предполагают борьбу за власть – в первом случае демократическую, а во втором – обязательно кровавую: Сталин – Троцкий; Муссолини – Маттеотти; Гитлер – Рем. Избрание и захват власти являются рационалистическими способами. Наследственная власть есть собственно, власть случайности, бесспорной уже по одному тому, что случайность рождения совершенно неоспорима. Никто не может отрицать существования положительного закона, предоставляющего право наследования престола первому сыну царствующего монарха. Никакого выбора, никаких заслуг, а, следовательно, и никаких споров. Власть переходит бесспорно и безболезненно. Человеческий индивидуум, случайно родившийся наследником престола, становится в такие условия, которые обеспечивают ему наилучшую профессиональную подготовку, как только возможно технически. Государь Император Николай Александрович был, вероятно, одним из самых образованных людей своего времени.

Его знания не были односторонними, они были живыми. Право и стратегия, история и литература были объектом ежедневной работы Его, Его отца и Его деда. Это есть знания, непрерывно и непосредственно связанные с каждым шагом Его деятельности. Так, в частности, Великий писатель Л. Толстой нанес русской монархии много вреда, однако Николай II был возмущен отлучением его от церкви, у него нашлось достаточно объективности, чтобы отделить его бездарную философию толстовства от его гениальных литературных произведений.

Русский царь заведовал всем и был обязан знать все в пределах человеческих возможностей. Он был специалистом в той области, которая исключает всякую специализацию. Русский царь стоял не только над классами, сословиями, партиями и прочим – он стоял также и **над науками**. Он мог рассматривать стратегию с точки зрения экономики и экономику с точки зрения стратегии, что недоступно ни стратегу, ни экономисту.

Православие является самой оптимистической религией мира. Оно исходит из того предположения, что человек по своей природе добр, а если и делает зло, то потому, что «соблазны». Если удалим соблазны, то останется химически чистое добро. Наследник Престола, потом обладатель Престола, становится в такие условия, при которых соблазны сводятся к минимуму. Он лишен тщеславия, стяжания, который ликвидируются в зародыше. Он есть Единственный, Имеющий Право – отпадает конкуренция и все то, что с ней связано. Все организовано так, чтобы личная судьба индивидуальности была спаяна в одно целое с судьбой нации.

Можно сказать, что и все это имеет и диктатор – типа Наполеона, Сталина, Гитлера. Но это будет меньше, чем наполовину: все это диктатор завоевал и все это он должен непрерывно отстаивать – против конкурентов и против нации. Диктатор вынужден ежедневно доказывать, что вот именно он и есть гениальнейший, великий, величайший, неповторимый, ибо если гениальнейший не он, а кто-то другой, то, очевидно, право на власть имеет именно другой. Диктатор всегда поднимается по трупам и может держаться только на трупах. Экспансия Робеспьера-Наполеона-Сталина-Гитлера объясняется в основном тем, что слой, выдвигающий диктатуру, постепенно объедает свою землю и нуждается в чужих пастбищах. Но она объясняется также и тем, что гениальнейший все время должен доказывать всякое свое превосходство, а наиболее наглядной формой этого доказательства является победоносная война. Законный монарх ничего и никому доказывать не обязан: козырный туз, – очень тяжкий, но все-таки козырный, судьба дала ему в руки: спорить тут не о чем и доказывать нечего.

И. Солоневич выходит из той аксиомы, что гений в политике это хуже чумы. Ибо гений это тот человек, который выдумывает нечто принципиально новое. Поэтому он вторгается в органическую жизнь страны и калечит ее как искалечили ее Наполеон и Сталин, и Гитлер, нельзя все-таки отрицать черты гениальности у всех трех. Шансов на появление гения на престоле нет почти никаких. Один гений приходится на десять-двадцать миллионов. Нет шансов, чтобы один гениальный избранник оказался бы и избранником судьбы на престоле. Власть царя есть власть среднего, среднеразумного человека над двумястами миллионами средних и среднеразумных людей. Это не власть истерика Гитлера, полупомешанного Робеспьера, изувера Ленина, честолюбца Наполеона, модернизированного Чингиз-Хана Сталина. В результате этих заскоков величайший полководец мировой истории Ганнибал покончил со своей собственной родиной, Наполеон привел союзников в Париж, Гитлер в Берлин. И все гении. Московские князья, собиратели русской земли были средними людьми, средние люди действовали в интересах средних людей, и линия нации совпала с линией власти. Поэтому средние люди новгородской армии переходили на сторону средних людей Москвы, а средние люди СССР перебегали от сталинской гениальности куда глаза глядят. Вместе с гением всегда придут голод, мор и война.

Средний демократический обыватель, который полагает, что он умеет политически мыслить, возмущается самым принципом наследственной власти незаслуженной власти. Он также предполагает, что, во-первых, он избирает заслуженных людей и что, во-вторых, он избирает. Обыватель ошибается во всех трех случаях. Наследственная власть, конечно, незаслуженная. Но ведь наследники Рокфеллеров тоже не заслужили своих миллиардов. Один человек незаслуженно наследует престол, другой также незаслуженно наследует миллионы, третий также незаслуженно наследует талант.

Против наследственных прав Рокфеллера обыватель не возражает, ибо, если отказать детям Рокфеллера в праве наследования, то придется отказать своим детям в праве наследования. Обыватель предполагает, что избирает заслуженного человека. Фактически в мире существует два типа республики: французский и американский. Во Франции традиционно избирается наиболее серая личность из всех имеющих шансы и этой личности представляется привилегия представлять Прекрасную Францию перед дипломатами, курами, кроликами и парадами. В Америке Президент имеет реальную власть, правительство ответственно перед ним, а он перед парламентом.

В среднем случае на место президента республики попадает второсортный адвокат. Первосортный специалист на это место не пойдет,

ибо для этого ему пришлось бы забросить свою клиентуру. Практика выработала известную компенсацию – бывшему президенту обеспечено место в какой-нибудь акционерной компании. Но, в то время, как будущий царь профессионально готовится к предстоящей ему деятельности, будущий президент профессионально варится в своей партийной каше. И, попадая на президентский пост, демонстрирует свое полное незнание, чего бы то ни было, к этой каше не относящееся. И, только попав в эмиграцию, мы познали, отмечает И. Солоневич, глубину политического невежества, свирепствующего на вершине демократической власти. Как бы мы не оценивали И. Сталина, обязаны констатировать тот факт, что Сталин работал в своей партии с 17 лет и что за четверть века своей диктатуры он накопил огромный политический опыт, он не питал никаких иллюзий относительно Черчилля или Трумэна. Он знал, в чем дело, а они не имели понятия. В конце президентского срока кое-какое понимание, вероятно, появилось, но тогда наступают выборы и на президентское кресло садится человек, который опять не имеет никакого понятия.

Принцип народоправства, проведенный до его логического конца, означает то, что нация вручает свои судьбы в руки людей, во-первых, явно некультурных, во-вторых, явно некомпетентных, в-третьих, считающих себя и культурными и компетентными. Сложнейшие вопросы современной жизни выносятся на партийный базар, над которым не существует никакого санитарно-полицейского надзора.

В современном понимании в монархии и народном представительстве заранее предполагаются враждебные друг другу силы. Ныне существующие республики фактически живут под охраной доллара. Что же будет, когда уйдет доллар. Народное представительство в Московской Руси никогда не собиралось конкурировать с монархией, как и монархия не собиралась конкурировать с народным представительством. На Западе дело обстоит совершенно иначе: шла непрерывная борьба за власть и эта борьба закончилась вытеснением монархии и установлением диктатуры. Нам нужны сильная монархия и достаточно сильное народное представительство, причем силу той и другого, мы будем измерять не их борьбой друг с другом, а способностью сообща выполнять те задачи, которые история поставит перед нацией и страной. И это фактически, отмечает И. Солоневич, было в практике политической жизни Старой Москвы.

Будущее российское народное представительство неизбежно технически, необходимо нравственно и политически. Техническая неизбежность объясняется, во-первых, когда перед страной встанет вопрос об установлении формы правления, страна будет организована в целую систему местного самоуправления. Рабочие и интеллигенция

будут организованы в новые профсоюзные организации. Данное самоуправление сверху и донизу будут единственным аппаратом власти при исключении диктатуры. Практически какое-то народное представительство будет предшествовать восстановлению монархии, и было бы нелепым предположить, что оно захочет самоупраздниться. Отсутствие народного представительства означало бы создание между монархом и нацией какого-то нового средостения, кастового, сословного, бюрократического или иного, неизбежно вызовет подозрения в том, что монархисты стремятся провести какие-то нежелательные народным массам мероприятия. Монархистам эмиграции было бы трудно доказать, что именно в народных массах они видят и единственную силу, способную эту монархию восстановить.

Говоря о народном представительстве, необходимо напрочь категорически отбросить его западно-европейские образцы. Представительство должно быть органическим, а не партийным, сословно-корпоративным – дворянство, земства, купечества, крестьянства, казачества, представительство Церкви, рабочих и т. д. Оно выражало бы мнения и интересы страны, а не идеи и вождения партий. Настоящее народное представительство должно строиться на комбинации территориального (области, земства, города) и корпоративного (научные, инженерные, рабочие и иные профессиональные организации) представительства с непременно участием представительства всех признанных в России Церковью, с преобладающей ролью Православной Церкви.

Разница между партийным и корпоративным народным представительством гораздо более глубокая. Политические партии западно-европейского образца имеют тенденцию представлять интересы отдельных классов общества. Но и рабочий класс поделится на профсоюзы христианские и антихристианские. И в партию и в парламент идет только второсортный элемент. Из крупнейших русских инженеров, изобретателей, промышленников, писателей, журналистов и прочих – в Государственную Думу не пошел никто. Средний парламентский депутат – это собственно «петрушка», который обязан вскакивать со своего места, когда соответствующий лидер дернет за соответствующую веревочку, голосовать за или против, продуцировать овации или скандал и т. д.

Но если в российском народном представительстве работает глава Православной Церкви или председатель союза инженеров, агрономов, врачей, металлистов, железнодорожников, горняков, крестьян, казаков, купцов, то все эти люди совершенно точно знают, что им нужно, в чем заключаются реальные интересы представляемого ими слоя или группы, людей. Никто из них не будет претендовать на всю

власть, как претендует партия. Всякая политическая партия стремится из меньшинства стать хотя бы относительным большинством, из относительного большинства – абсолютным и на базе абсолютного большинства превратиться в партийный абсолютизм. Но никакому союзу инженеров не может прийти в голову превратить в инженеров всю страну. Могут быть тенденции всякого рода технологическим и капиталистическим загибам и перегибам, но на пути к таким тенденциям будут стоять монархи. Во всем этом нет ничего нового. Все это существовало в Московской Руси.

И если мы говорим о земском самоуправлении, то мы должны сказать и дальше: именно это самоуправление – под контролем Верховной Власти – будет устанавливать те формы землепользования, какие разные земства найдут нужным для разных областей России, с ее совершенно различными локальными условиями. Мы не можем проектировать «реформ суда», ибо мы не знаем, с каким человеческим материалом будет восстановлено хотя бы элементарнейшее правосудие России. Нельзя говорить о будущих рабочих организациях, не зная, как распределится русская промышленность между государственной, земской, частной, концессионной и прочими формами. Но мы можем установить некоторые общие желательные нам принципы: сильная Царская власть, сильное земское самоуправление, сильное народное представительство, гражданская и хозяйственная свобода для всех граждан Империи. Всякая конструкция, поставленная дальше этих основ, будет построенной на песке. Однако, есть одна основная вещь, которую мы уже и сейчас можем видеть. Она сводится к тому, что западноевропейскому влиянию на внутреннюю историю России пришел конец. Дальнейшие собственные пути не могут быть найдены без учета уже пройденных. Поэтому русскому народу вообще, а русской интеллигенции, в особенности, надо спокойно и объективно оглянуться на все пережитое и заново, в свете всего полученного опыта, пересмотреть все наши прежние взгляды и на психологию и на историю русского народа.

Литература:

1. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. – М. : Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. – 512с.